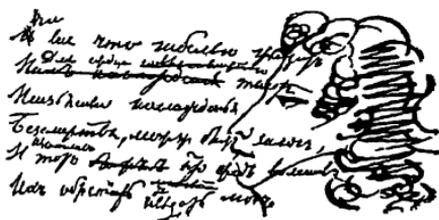


# Из записок филолога



В. Э. ВАЦУРО,

кандидат филологических наук



За годы филологической работы, связанной с перечитыванием и толкованием текстов, каждый специалист, историк литературы или языка, накапливает десятки, а то и сотни наблюдений; они уходят в примечания,

в книги и статьи, составляя своего рода их строительный материал. Но они могут быть небезынтересны и сами по себе, если открывают читателю путь за кулисы, в глубины творческой лаборатории писателя или высвечивают ему поучительные эпизоды творческой истории, казалось бы, хорошо знакомых текстов. Такие миниатюры, «мелкие заметки» иногда живут дольше больших статей; так, по сие время пушкинисты помнят вышедшие пятьдесят лет назад «Пушкинологовические этюды» Н. С. Лернера, серию маленьких рассказов о неясных местах в произведениях Пушкина. Этот жанр «заметок на полях» любил выдающийся советский филолог академик М. П. Алексеев и пользовался им мастерски, а А. А. Ахматова предполагала написать целую книгу такого рода миниатюр, и среди оставшихся после ее кончины маргиналий — уже не метафорических, а настоящих, на полях пушкинского одномомника, — есть такие, которые заключают в себе подлинные открытия в области пушкинской поэтики.

Данные заметки — это не открытия в том высоком смысле, в каком слово это может быть применено, скажем, к заметкам Ахматовой; это плод повседневного труда, комментарии к разным текстам разных авторов, — и одна из задач их — помочь любителям поэзии в понимании подлинного смысла литературы прошлого. Читать можно по-разному. Любой носитель русского языка понимает смысл русского текста, созданного в девятнадцатом и даже в восемнадцатом веке; но понимание это порою неполно и неточно, а иногда совершенно превратно, о чем неосвященный

читатель даже не догадывается. Всем известно знаменитое стихотворение Жуковского «Певец во стане русских воинов», и все знают, что в 1812 году регулярная армия не была вооружена луками и стрелами,— но, чтобы объяснить, почему в тексте Жуковского фигурируют только «мечи», «щиты», «копья», «стрелы»,— нужно представлять себе условность поэтического языка 1810-х годов. Читатель, который в строках «Орлом шумишь по облакам, По полю волком рыщешь» не уловит отсылки к «Слову о полку Игореве», не поймет поэтической мысли целой строфы о Платове,— ибо она предполагает в читателе знание древнего памятника. И так далее...

Если, пробежав эти этюды, читатель их почувствует вкус к углубленному чтению и убедится в том, что это отнюдь не бесплодное занятие,—они выполняют одну из важных своих задач.

### «Площадной шут» в пушкинской эпиграмме

В истории журнальных взаимоотношений Пушкина известен следующий эпизод.

В первых книжках «Московского телеграфа», который с 1825 года стал издавать известный в русской литературе Николай Алексеевич Полевой, было помещено стихотворение Пушкина «Прятелям»:

Враги мои! покамест я ни слова...  
И, кажется, мой быстрый гнев угас;  
Но из виду не выпускаю вас  
И выберу когда-нибудь любого:  
Не избежит пронзительных когтей,  
Как налечу нежданный, беспощадный.  
Так в облаках кружится ястреб жадный  
И сторожит индеек и гусей.

Пушкин не обозначил точнее, кому именно он адресует свою поэтическую угрозу, и эта неопределенность, конечно же, была намеренной. К врагам-приятелям он мог причислить многих, от кого терпел большие и малые обиды еще до ссылки и во время нее: и Федора Толстого — «Американца», и, вероятно, каких-то других завсегдаев театрального кружка Шаховского, и Александра Раевского, и Воронцова, и Северина... Под стихами он поставил подпись: «А. П.».

П. А. Вяземский, один из тех подлинных приятелей Пушкина, кто мог не опасаться его эпиграмм, был в это время посредником между михайловским затворником и московским журналом. Название «Прятелям» не удовлетворило его своей двусмысленностью,

и он его заменил, поставив: «Журнальным приятелям». Так эти стихи и появились в «Московском телеграфѣ». Пушкин напечатал возражение, восстаповив прежнее заглавие; Полевой отвечал объяснением, снимая с себя вину и ссылаясь на список, ему доставленный. Вяземский и Пушкин объяснились в письмах.

Между тем эпиграмма с новым названием распространялась, и некоторые журналисты были задеты. «Московский телеграфѣ» вел обширную полемику и должен был ожидать критических реплик.

Укол последовал со стороны петербургского журнала «Благонамеренный».

Его издатель, баснописец, прозаик, критик А. Е. Измайлов весьма скептически относился к новым, романтическим веяниям и к самим «молодым романтикам», в особенности из пушкинского окружения. Уже несколько лет он печатал на страницах своего журнала эпиграммы, сатирические анекдоты и критики против Дельвига, Баратынского, Плетнева, Кюхельбекера; к самому Пушкину он, впрочем, относился вполне благожелательно и пикогда его не задевал. Критицизм его распространялся и на журнал Полевого, уже ясно обнаружившего свою приверженность к лагерю «новаторов».

Он посмеялся над пушкинскими стихами в «Телеграфѣ» в статье «Дело от безделья, или Краткие замечания на современные журналы» (Благонамеренный, 1825, № 19): «Из самого начала сего ужасного осмыслишия открывается, что для сочинителя *приятель* и *враг* суть синонимы... Страшно, очень страшно! Более же всего напугало меня то, что у господина сочинителя есть когти!»

Измайлов намекал на длинные ногти Пушкина — бросающуюся в глаза черту его внешнего облика. Это было забавно, — но, конечно, было «личностью».

Тогда Пушкин послал Полевому новую эпиграмму, — уже на Измайлова:

Недавно я стихами как-то свистнул  
И выдал их без подписи моей;  
Журнальный шут о ней статейку тиснул,  
Без подписи ж пустив ее, злодей.  
Но что ж? Ни мне, ни площадному шуту  
Не удалось прикрыть своих проказ:  
Он по когтям узнал меня в минуту,  
Я по ушам узнал его как раз.

Эпиграмма называлась «*Ex ungue leonem*» — «по когтям узнают льва».

Обо всем этом вспоминал потом в своих мемуарах Ксенофонт Полевой, объясняя читателям нового поколения, что сатирическая резкость Пушкина относилась к вульгарному тону и «неблагоуханным» «шуточкам» «Благонамеренного». Но он не уловил одного очень важного оттенка, который содержался в определении «журнальный шут», — оттенка, не понятного широкой публике и даже причастным к этому делу журналистам, но очень понятного адресату эпиграммы.

Чтобы оценить его по достоинству, нужно было заглянуть за кулисы петербургской литературной борьбы двухлетней давности, когда в ответ на нападки Измайлова Баратынский написал сатирическое послание «К Гнедичу, который советовал сочинителю писать сатиры». Эти стихи Дельвиг отправил в рукописи Пушкину в Одессу. Сатира Пушкину не понравилась, но «прекрасные» (по его выражению) стихи ее он запомнил,

В этой сатире были строчки:

(...) Болтун еженедельный,  
Ты сделал свой журнал Парнасской богадельной,  
И в нем ты каждого убогого умом  
С любовью жалуешь услужливым листком.

Измайлов, например, знакомец давний мой,  
В журнале плоский враль, ругатель площадной,  
Совсем печатному домашний не подобен,  
Он милый хлебосол, он к дружеству способен...

Баратынский менял текст своего послания. То, что мы сейчас цитируем, — по-видимому, та самая редакция, которую Пушкин прочитал впервые в 1823 году (См.: Ежегодник Рукописного отдела Пушкинского дома. 1972. Л., 1974, с. 58—59).

В сборнике стихотворений Баратынского, вышедшем в 1827 году, имя Измайлова было заменено условно-сатирической фамилией «Шутилов», а строка о «плоском враль» читалась:

В журнале пошлый шут, ругатель площадной...

Если Пушкин к 1825 году знал эту редакцию, то нет сомнения, что он перефразировал ее в своей эпиграмме.

Если же она была создана позже, то дело обстояло как раз наоборот: Баратынский исправил строку по пушкинской эпиграмме.

Но так или иначе Пушкин отсылал понимающего читателя к старой сатире на Измайлова и его сотрудников, ходившей в списках, наводя его на имя анонимного автора, — и, с другой стороны, как бы солидаризировался с кружком своих друзей в их

недавней полемике с Измайловым. И сам адресат его эпиграммы, без сомнения, должен был понять этот ее второй план, ибо сатира Баратынского отнюдь не была секретом, и ее знали в измайловском кружке.

Все эти полемики двухлетней давности должны были ожить перед Пушкиным как раз к лету 1825 года,— незадолго до того в Михайловском побывал Дельвиг и, нужно думать, ввел его в курс литературной жизни, от которой он был физически оторван в течение пяти лет. Но здесь мы можем только строить предположения.

В нашем распоряжении есть только определение *площадной*, восходящее к сатире Баратынского, да, может быть, еще словечко *шут*, сохраняющие слабый след литературных боев, столь знакомых пушкинским современникам.

### Заметка к тексту Баратынского

Среди ранних стихов Баратынского есть послание, которое печатается под названием «К — ву». Адресат его — известный в свое время поэт Александр Абрамович Крылов, элегик, одно время приятель Баратынского, Кюхельбекера и Дельвига.

Об их взаимоотношениях в 1819—1820 годах мы знаем не так уж много. Известно, однако, что обмен дружескими посланиями между ними был обычен. Дельвиг также написал послание Крылову, — а среди стихов Крылова известно послание к Кюхельбекеру.

В стихах Баратынского «К — ву» обрисовывался портрет молодого поэта, полного жизненных сил и стремления к земным радостям:

Любви веселый проповедник,  
Всегда любезный говорун,  
Глубокомысленный шалун,  
Назона правнук и наследник...

Этот облик, вероятно, стилизован в духе горацианской и анакреонтической лирики. Современники вспоминали о меланхолии, отличавшей характер Крылова. Впрочем, может быть, изменился сам характер: к концу своей короткой жизни Крылов был поражен тяжелой болезнью и незадолго до смерти ослеп.

Как бы то ни было, в стихах 1819 или начала 1820 года Баратынский призывает своего приятеля ловить мгновения любви и веселья, не задумываясь ни о грядущей их измене, ни о грозящей всем неизбежной смерти:

Летающий миг лови украдкой,—  
И Гея, Вакх еще с тобой!  
Еще полна, друг милый мой,  
Пред нами чаша жизни сладкой...

Перед этими строчками нам следует остановиться, потому что они непонятны.

То, что Вакх появляется в гедонистическом послании,— естественно, традиционно и не требует никаких пояснений. Мифологическими уподоблениями паполнено все стихотворение:

Часы летят! — Скорей зови  
Богиню милую любви!  
Скорее ветреного Мома!

Богиня любви — Венера — Афродита, Мом — бог насмешки, иронии. Весь этот набор имен обычен в посланиях подобного рода.

Из него решительно выпадает Гея.

«Гея — мать всего земного; в то же время владычица смерти (греч. миф.)», — читаем в комментариях и словарных справках к этому стихотворению. «Гея — богиня земли, прародительница людей».

«Общее божество», Гея, Титя, богиня земли, супруга Урана или Неба, мать титанов и циклопов, — вот то, что можно извлечь из «Ручной книги древней классической словесности» Эшенбурга и Крамера, переведенной и дополненной Н. Ф. Кошанским, — по которой учились поколения студентов и, в частности, лицеисты. — «... *Дибелу* принимали за *Гею*, или самую Землю (*Fellus*). В сем отношении называли ее *Вестою* или *великою матерью богов*. Следовательно, ее происхождение относится к отдаленнейшим векам баснословия, а тем самым изъясняется и запутанность в ее истории» (т. II, СПб., 1817, с. 21).

Гея, прародительница богов, древнейшее понятие греческой космогонии — в ряду с Вакхом, в роли покровительницы «веселого проповедника любви»... Это вряд ли можно истолковать удовлетворительно. Образ этот не встречается в гедонистических стихах пушкинского окружения; нет его и у Пушкина. И самая синтаксическая структура строки Баратынского не вполне ясна: что значит в ней присоединительный союз:

Летающий миг лови украдкой,—  
И Гея, Вакх еще с тобой...

Здесь позволительно заподозрить какую-то ошибку в тексте. Было бы легко проверить наше предположение, если бы суще-

ствовал автограф стихотворения. Но его нет, и послание Крылову не входило ни в один прижизненный сборник Баратынского. Оно было напечатано единственный раз в журнале «Соревнователь просвещения и благотворения» в третьей (мартовской) книжке за 1820 год, — и напечатано именно так, как мы его процитировали. Совершенно естественно, что все последующие издания Баратынского — и научные, и массовые — воспроизводили этот текст.

Между тем у нас есть все основания думать, что сам автор увидел свое стихотворение только в печатной книжке и корректуры ее не держал.

Стихи, о которых идет речь, стали известны издателям журнала 19 января 1820 года, когда они были прочитаны на заседании петербургского Вольного общества любителей российской словесности, которое и издавало журнал «Соревнователь». Самого Баратынского на чтении не было; он нес службу в Финляндии, и стихи представил Дельвиг. Их было предложено «исправить», после чего они были отданы в журнал для напечатания. Все это проходило, по-видимому, в отсутствие Баратынского: в 1820 году он в первый раз появился в обществе только 19 апреля (Базанов В. Г. Ученая республика. М.—Л., 1964, с. 371, 377). Он уже не мог исправить текст, который настоятельно требовал исправления.

В нем, конечно, упоминалась не Гея.

В нем упоминалась Игея (Гигея), богиня здоровья, дочь Эскулапа, которого «назвали сыном Аполлона и нимфы Коронис, богом врачевания», как сообщал Кошанский. Это имя постоянно встречалось в гедонистических стихах и более всего у Дельвига, поэтического наставника Баратынского в начале его творческого пути. В лицейском послании Дельвига больному князю Горчакову (К. К. Г., 1815) читаем:

Здравия полный фѳал Игея сокрыла в тумане...

В 1823 году он описывал свою болезнь в послании «К Софии», адресованном С. Д. Пономаревой:

И в вашем образе пришла  
Ко мне порою усыпелъя  
Игея с чашей исцеленья...

Но еще более показателен лицейский «Дифирамб» Дельвига, где речь идет не о выздоровлении, а о здоровье, — совершенно так же, как в послании Баратынского. Здесь мы находим ту же

пару мифологических имен — Игея — Вакх (Лизэй), которую, без сомнения, ввел в свои стихи Баратынский:

При плесканьи полных чаш  
Верьте мне, Игея с нами,  
Сам Лизэй целитель наш!

Итак, строка Баратынского должна читаться:

Игея, Вакх еще с тобой,—

и только такое чтение возвращает ей первоначальный смысл. «И Гея» — журнальная опечатка, и мы легко представим себе, как она возникла, если взглянем на ранние беловые автографы Баратынского: в них нет или почти нет межбуквенных связей, каждая буква отделена от соседней интервалом, а прописное и строчное «г» пишется почти одинаково. Вероятно, прописное «И» в слове «Игея», начинавшем строку, отделилось от соседнего «г» несколько большим интервалом, и наборщик принял его за союз. Дальнейшее понятно: появилась внешне осмысленная, а по существу лишенная смысла строка, которая прошла затем через все издания Баратынского.

Она родилась так же, как родился тыняновский «подпоручик Кижэ».

У нас есть все основания исправить ее путем редакторской конъектуры.

*Ленинград*

*Рисунок Б. Захарова*

Основан  
в 1967 году  
Выходит  
6 раз в год  
Издательство  
"Наука"  
Москва

Научно-популярный журнал  
Института русского языка  
Академии наук СССР

# Русская Зречь

1986 МАЙ · ИЮНЬ

В НОМЕРЕ:

РЕШЕНИЯ XXVII СЪЕЗДА КПСС — В ЖИЗНИ!

- 3 *И. Ф. Протченко.* В дружной семье народов и языков

К ДНЮ ПОВЕДЫ

- 9 *Л. А. Глинкина.* «Пишет домой война» (О письмах военных лет)

ЯЗЫК ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

- 15 *В. Э. Вацуро.* Из записок филолога  
23 *Р. Д. Тименчик.* Адмиралтейская игла  
29 *М. Ф. Мурьянов.* Пушкин о Дельвиге

К 175-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. Г. БЕЛИНСКОГО

- 33 *Л. Р. Ланский.* Белинский о слоге и слог Белинского  
41 *Г. И. Довгалло.* В. Г. Белинский и наука о русском слове  
49 *А. В. Огнев.* «Главный учитель родного языка — народ» (О прозе С. П. Антонова)  
56 *В. И. Тищенко.* Автор «Слова о полку Игореве» в изображении советских писателей

КУЛЬТУРА РЕЧИ

- 65 *В. М. Дерibas.* Антигриппин, антикомарин...  
68 *Э. А. Сорокина.* Межпозвоночный или межпозвоноковый?

- 71 СТРАНИЦА НОВЫХ СЛОВ

ЯЗЫК ПРЕССЫ

- 74 *Н. И. Орлова.* Мирная жизнь десанта

ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЯЗЫКОВЕДЫ

- 77 Григорий Андреевич Ильинский (1876—1937)

СЛОВО — МОЛОДОМУ ЛИНГВИСТУ

- 82 *Е. Д. Золотарева.* Душа у В. В. Маяковского